

Григорьев Константин

ПЕПЕЛ НЕОНА

Константин Григорьев

Пепел Неона

<https://litres.ru/74657919>

SelfPub; 2026

Аннотация

В будущем Земля превратилась в гигантский механизм, работающий на пределе своих возможностей. Ресурсы были исчерпаны, океаны отравлены, а атмосфера напоминала густую пелену, сквозь которую солнце едва пробивалось. Каждый квадратный метр суши был застроен, а население превышало все мыслимые пределы. Люди жили в многоярусных городах, где свет и воздух были роскошью, а не правом.

2243 год, на выбранную планету для колонизации отправляется корабль "Пепел Неона". Спустя два месяца корабль исчезает вместе со всеми, кто был на борту.

Константин Григорьев

Пепел Неона

СОДЕРЖАНИЕ

Глава Первая: *Пропавшие в Космосе* стр. 2

Глава Вторая: *Харви «Могильщик» Рейн* стр. 29

Глава Третья: *Штурмовой Отряд* стр. 68

Глава Четвёртая: *Сигнал* стр. 100

Глава Пятая: *«Пепел Неона»* стр. 115

Глава Шестая: *Не Одни* стр. 142

Глава Седьмая: *Ловушка* стр. 166

Глава Восьмая: *Потери* стр. 186

Глава Девятая: *Долгая Ночь* стр. 202

Глава первая. «Пропавшие в космосе»

Часть I. Земля, которая умирала

В будущем Земля превратилась в гигантский механизм, работающий на пределе своих возможностей. Ресурсы были исчерпаны, океаны отравлены, а атмосфера напоминала густую пелену, сквозь которую солнце едва пробивалось. Каждый квадратный метр суши был застроен, а население пре-

вышло все мыслимые пределы. Люди жили в многоярусных городах, где свет и воздух были роскошью, а не правом.

Рассвет над Землёй больше не был золотым. Он был серым, как пепел, осевший на крыши опустевших городов. Дети рождались с лишними хромосомами, с глазами, которые не видели света, или с кожей, слишком тонкой для этого мира. Их называли «тихими» — они не кричали, потому что некому было слышать.

Безработица съела всё: не осталось ни заводов, ни офисов, ни надежд. Люди сбивались в стаи, как звери, но и звери ушли. В подвалах, где когда-то хранились консервы, теперь пахло железом и страхом. Слухи о каннибализме перестали быть слухами — они стали расписанием. Ночью улицы молчали, но в темноте слышались шаги и глухие удары.

История перенаселения человечества подходила к своему концу. Ещё десять-двадцать лет — и Земля станет мёртвой планетой. Это закат цивилизации. Ресурсы иссякали быстрее, чем успевали появляться новые технологии, а голод и эпидемии стали обыденностью, о которой говорили шёпотом, чтобы не сеять панику.

Люди ещё боролись, но их борьба была похожа на судороги умирающего организма. Правительства вводили жёсткие законы, распределяя последние запасы воды и еды, но даже это не могло остановить неумолимое движение к пропасти. Научные лаборатории, лишённые энергии, закрывались одна за другой, а элиты, когда-то управлявшие миром, теперь

прятались в бункерах, ожидая неизбежного конца.

Тем не менее в этом хаосе оставалась странная тишина. Люди перестали мечтать о будущем, но в их глазах ещё теплился инстинкт — просто жить, дышать, смотреть на угасающее небо. Они знали, что это финал, но не хотели признавать его вслух, словно слова могли ускорить приговор. Земля умирала, и вместе с ней умирало всё, что когда-то называлось надеждой.

Так появилась «**Империя**» — не государство, а механизм выживания. Её создали не политики, а те, кто ещё помнил, что такое надежда. Военизированное поколение, закалённое в пустоте руин, взяло на себя роль спасателей. Они не спрашивали разрешения у мёртвого мира — они просто начали действовать.

Программа переселения стала единственным смыслом. Сначала строили корабли, потом обучали людей, потом отправляли их в неизвестность. Каждый полёт — это не побег, а миссия. Каждый новый мир — не утопия, а шанс. Империя не обещала счастья, она обещала продолжение. Её солдаты не носили званий, они носили ответственность. Они смотрели на звёзды, а не в землю, и в их глазах не было страха — только холодная решимость.

Именно тогда человечество обратило взгляд к звёздам. Не оставалось иного выбора: нужна была планета для колонизации. Не просто новый дом, а спасение от неизбежного краха. Учёные, приписанные к корпусу «Империя», десятиле-

тиями сканировали космос, составляя карты потенциальных миров, пригодных для жизни. Некоторые из них были слишком далеки, другие — слишком суровы. Но среди тысяч кандидатов нашлась одна, названная «Эдем-7». Её орбита была стабильной, гравитация близка к земной, а в атмосфере присутствовал кислород.

Шесть месяцев — это был не просто срок полёта, а приговор для тех, кто оставался на Земле. Совет Колонизации принял жёсткое решение: отправить лишь один корабль, «**Ковчег**», рассчитанный на пять тысяч человек. Отбор был беспощадным. В него вошли специалисты, способные воссоздать инфраструктуру с нуля, а так же биологи, инженеры, врачи и генетики. Остальным же была уготована участь доживать свой век в серых ярусах, наблюдая за угасанием света в окнах.

Старт прошёл без помпы. Никаких фанфар и слёз на прощание — лишь глухой гул двигателей, разрезавших токсичную дымку. Внутри корабля жизнь подчинялась строгому регламенту: восьмичасовые смены, синтетическая пища, стерильные каюты без окон. Единственным напоминанием о доме была голограмма в центральном зале, проецирующая зелёные равнины и чистый океан — то, чего на Земле уже не существовало.

Когда до Эдема-7 оставалось двадцать суток, сканеры наконец подтвердили: планета встречала их зеленью. Не идеальной, но настоящей — с реками, лесами и живой почвой.

Первые сигналы с корабля приняли на Земле лишь через четыре месяца, когда человечество уже почти потеряло надежду услышать ответ. Передача была короткой: «Мы на месте. Атмосфера пригодна. Начинаем развёртывание». На этом связь оборвалась — слишком дорого было поддерживать постоянный канал.

Земля продолжала вращаться, медленно задыхаясь в своих отходах. Но в небесах, за миллиарды километров, пять тысяч человек уже ступали на твёрдый грунт, вдыхая воздух, который не нужно было фильтровать. Они не думали о возвращении. У них не было ни карт, ни инструкций, ни даже гарантий, что колония выживет. Была лишь цель — сделать так, чтобы их потомки никогда не узнали, каково это — жить в мире, где небо закрыто на замок.

Спустя год на Эдеме-7 начал готовиться следующий корабль — «Пепел Неона».

Часть II. Дом, из которого уходят

Год 2243

Ребекка Рейн стояла в дверном проёме квартиры и смотрела, как свет в коридоре гаснет за спинами Харви и Адама. Её пальцы дрожали чуть-чуть, будто она держалась за узкую линию между двумя мирами: миром тепла и запаха утреннего кофе, ещё хранящего детские щёки, и миром стальных коридоров, холодных голограмм и бесконечных сшивок из проводов и судеб, который мог измениться за одну смену.

— Мам, ты точно упаковала всё? — не слишком громко спросил Харви, заносчиво опустив взгляд на планшет, где были вывешены фотографии его мамы в разноцветных костюмах — как будто это были кадры с чужого фестиваля счастья.

Адам шагнул ближе к столу, на котором лежала карта семейной жизни: расписание звонков, фотографии поездок и заметки о дедлайнах по школьной программе. Он, как и Харви, был на пороге взросления, но в этот вечер их слова звучали дрожью в груди.

— Я вернусь, — сказала Ребекка, и её голос был тем же, которым она отвечала на вопросы пациентов в лаборатории: спокойный, уверенный, но где-то внутри подбитый ветром неизбежности.

— Мама, ты сможешь выходить на связь каждый день? — спросил Адам, и в его голосе звучал детский, почти безразличный к миру страх.

Харви подошёл и крепко обнял маму, будто пытаясь сохранить с ней связь, словно он что-то чувствовал, но ещё не понимал этого.

— И помни: ты не одна, — сказал он, и в его голосе прозвучала не только любовь, но и строгий военный настрой, который он держал в себе после каждой истории о пропавших кораблях и беззвёздных тёмных углах космоса.

Ребекка кивнула, хотя знала, что говорить лучше без слов. Она не говорила о том, какие ужасы могут прятаться за

обычной ночной полкой в лаборатории, за дверью, за которой всё ещё пахнет липкими волокнами и стерильной чистотой, и за тем, что однажды может случиться, когда ты скажешь: «Я уезжаю на год» — и не веришь, что мир вернётся таким же.

Пол, муж Ребекки, мужчина с усталым взглядом и спокойной силой в движениях, говорил редко, но точно:

— Ты же вернёшься, да?

Ребекка кивала так же тихо, как и раньше, но в глазах её уже блуждала та холодная ясность, которая становится спутником любого, кто идёт в неизвестность.

— Это важный проект, Пол. Настолько важный, что я не могу отказаться, — сказала она, и голос у неё был ровный, как линейка на столе: безэмоциональный, но в нём блёкло тепло. — Я буду выходить на связь каждый вечер. Я вернусь.

— Мы будем ждать, — ответил Пол, улыбаясь своей супруге.

Часть III. «Немезида»

На рассвете следующего дня её доставили на орбитальную космическую станцию «Немезида». Свет здесь был холоднее, чем на Земле, но он не знал усталости — лампы держались как будто на собственной воле, и каждый этаж, каждая галочка на панели отображения держалась своей маленькой, достойной жизни.

За иллюминаторами «Немезиды» гасли звёзды, растворяясь в огромной чёрной ткани космоса. Но небо за стеклом

не было главным — главное было внутри. Ребекка Рейн держала футляр с надписью «**Нексус**», с образцами так крепко, что пальцы побелели. Футляр пах чистой стерильностью и металлом, запахом, который внезапно стал тяжёлым грузом на груди: ведь в нём содержался не просто материал для опытов, а возможность изменить судьбу миллионов — или превратить их в нечто иное, потерянное для человечества.

Ребекку встретили с присущей ей оперативностью: короткие доклады, руки,двигающиеся по компьютерам, спокойные голоса тех, кто уже давно выстраивал мост между людьми и звёздами.

Её багаж состоял не из чемоданов, а из кейсов сгенерированных образцов и биочипов, аккуратно пронумерованных. Её работа была не просто научной — это была анкета будущего, которую она вела на грани бездны: редактирование генов, чтобы убрать болезни, усилить выносливость, сделать людей способными выживать на планетах, которые пока существуют только в фантазиях учёных.

Через сутки она ступила на борт крейсера — «**Пепел Неона**» — одного из самых тёмных и таинственных проектов в этом секторе космоса. Название корабля звучало как проклятье: пепел, и небо, и огонь, и холод — всё в одном.

Корабль был гигантом с четырьмя уровнями, каждый из которых таил в себе свой характер, свою судьбу и свои источники напряжения.

Уровень первый — Командный мост и ядро кораб-

ля.

Здесь всё дышало точной дисциплиной и холодной логикой. Стекланные полы и стены идущего коридора, резкие линии кабин и мониторов, в которых смешивались карты звёзд, маршрутов, служебных журналов и тревожных сигналов, рисовали картину судна, на котором всё было под контролем.

Ребекка вошла в мостовую зону, где запах перегретого металла смыкался с резким, почти живым трепетом движения массивной установки. Здесь всегда пахло схемами и тревогой — как в пещере, где из ничего может родиться молния.

— Рейн на месте, — прозвенел голос капитана Кевина Уильямса, и его фигура в сжатой куртке выглядела как знак силы в этом месте. — Уровень четвёртый ещё не поднят, но контрольный пакет докладов готов.

— Спасибо, капитан, — ответила она, пройдя к центральной консоли. Её пальцы коснулись глянцевой поверхности, и холод пробежал по рукам, будто корабль сам вздохнул от её касания.

Командорский стол был окружён несколькими офицерами. Одни смотрели на панели, другие — на Ребекку, словно она могла рассказать кораблю больше, чем любой датчик.

Ребекка вышла за пределы моста и направилась к первому уровню, где жили офицеры и технический персонал. Холодная тишина проходила под её ногами, а за стеклом всплывали безмолвные тени лиц, закрытых лицевыми панелями.

Уровень второй — Обитатели и жильё.

Здесь люди жили в модульных каютах, каждая из которых была как маленькая вселенная, где можно было забыть, что ты — не просто член команды, а часть большой машины, которая может распасться на части в любой момент. Ребекка вошла в одну из кают, где пахло новым пластиком.

— Доктор Рейн? — спросила молодая инженер Тея Моро, стоявшая у стального стола, где лежали образцы матриц. Её глаза блестели от усталости, и в них читался страх, который был знаком всем на корабле в последние месяцы.

— Да, Тея, — ответила Ребекка, улыбка вышла напряжённой линией лица. — Мы продолжаем сбор данных. Уровень второй содержит не только жильё — здесь мы видим людей, способных выжить под давлением космоса, но и то, как их поведение может изменяться в условиях стресса и изоляции.

— Я заметила, что большинство стали как бы «молчаливой стаей»: никто не смотрит в глаза, все на задворках своего экрана, — сказала Тея, глядя на стол с образцами, как если бы они могли рассказать ей правду без слов.

— Это защитная реакция, — сказала Ребекка. — В условиях длительной изоляции мозг начинает экономить энергию. И когда появляется опасность, та «экономия» превращается в что-то другое — в туннельное видение, где детали мира растворяются в едином сигнале.

В течение следующих часов Ребекка вновь и вновь общалась с командами, расспрашивая, как люди в каютах ощущают себя сейчас. Она записывала их взгляды, их страх, их

мелкие рикошеты памяти — и каждый раз, когда кто-то говорил об исчезнувших днях, её сердце сжималось, как железо под давлением льда.

Уровень третий — Лаборатории.

Биологи, гении и мечтатели — все они были здесь, чтобы принести миру решения, которые будут звучать как призывы. Но лаборатории на «Пепле Неона» были не просто местом работы: здесь хранились и несли ответственность за то, что человеческое могущество способно сделать с природой. В мире, где можно редактировать гены и строить новые формы жизни, существовала и опасность: грань между лечением и экспериментом, между тем, что может помочь, и тем, что может уничтожить.

В этих стенах каждая пробирка становилась вопросом, а каждый микроскоп — судьёй. Учёные знали: их открытия не просто описывают мир, они его переписывают. Здесь редактировали не только ДНК, но и сами представления о жизни, о её границах и пределах. Синтетические организмы, выращенные в чашках Петри, могли стать лекарством от болезней, которые веками считались приговором, — или же новой формой ошибки, которую невозможно отменить.

Ответственность висела в воздухе, как запах озона после грозы. Каждый успешный эксперимент рождал не только гордость, но и страх: а что, если следующая мутация выйдет из-под контроля? Лаборатории «Пепла Неона» были не просто исследовательскими центрами, а точками бифуркации,

где человеческое любопытство сталкивалось с хрупким равновесием экосистем. Грань между спасением и катастрофой измерялась не миллиметрами, а долями секунды реакции.

Можно ли считать искусственно созданное существо «живым»? Имеет ли право человек менять то, что создавалось миллионы лет? Ответы не были записаны в учебниках — их приходилось выстрадать в бессонных ночах.

Но самым страшным было не то, что учёные могли создать, а то, что они могли не заметить. Лаборатории рождали не только надежду, но и слепоту: привыкнув к мощи своих инструментов, исследователи иногда забывали, что природа не прощает самоуверенности. И тогда на «Пепле Неона» наступала тишина — та, которая предшествует не открытию, а сожалению.

Уровень четвёртый — Энергетика и двигатели.

Звон металла под ногами, гул турбин, пульсирующая лампа. Здесь находилась центральная часть, где реагенты и композиторы энергии превращались в движение. Здесь можно выпустить в океан пустоты вихрь, который рискует в любой момент сорвать с корабля часть металла и отправить его в бесконечность. Ребекка знала, что такой уровень мог стать причиной не просто быстрого путешествия, но и худшего кошмара, который не отпускает.

Каждый агрегат в этом отсеке был рассчитан на перегрузку, но не на ошибку. Операторы двигательного узла работали в три смены, не отрывая взгляда от датчиков, где стрелки

дрожали на границе красной зоны. Топливные ячейки, похожие на рёбра гигантского животного, выдыхали раскалённый газ в сопла, и этот выдох держал корабль на курсе, не давая ему упасть в бездну.

Ремонтные бригады знали каждый шов, каждую трещину в обшивке. Они ходили между балками с инструментами, и их шаги тонули в низком гуле, который не прекращался ни на минуту. Сбой здесь означал не просто поломку — он означал потерю тяги, а значит, потерю направления в пустоте, где не было ни верха, ни низа.

Энергия, которую они укрощали, не подчинялась полностью. Она жила своей жизнью, пульсируя в трубах, и требовала постоянного контроля. Любой зазор, любая утечка превращались в угрозу, которую нужно было устранить до того, как она станет катастрофой. Именно поэтому в этом отсеке не было случайных людей — только те, кто умел слушать металл и понимать его язык.

Шёл второй месяц.

Лаборатории на «Пепле Неона» стали для Ребекки домом и тем местом, которое она любила и презирала одновременно. Здесь она ощущала свою силу и страх перед тем, чем может стать сила без этики. В одной из лабораторий — длинной комнате с прозрачными стенами и рядами стеклянных корпусов — на столах лежали разные образцы: отредактированные гены, клетки, высушенные криокапсулы.

— Рейн, у тебя новые данные? — спросила доктор Лиа

Каверс, биоинженер, чьё имя часто упоминали как «часть мозга» проекта. — Мы не можем позволить себе промедления. Время — наш враг.

— Да, Лиа. Насколько ты помнишь, в момент «обрыва связи» в лаборатории был оглушительный шум — совсем не механический. Это было что-то, что находилось «за пределами» машины и тем не менее воздействовало на всё вокруг, — сказала Ребекка, осторожно отодвигая стеклянный барьер, чтобы не задеть лабораторные образцы.

— Шум... напомнило мне старые записи — беспокойные сигналы, которые раньше мы слышали на тестах, но тогда мы думали, что это просто аномалия, — заметил молодой исследователь Аркадиус Клэр, который часто говорил слишком точно и слишком много.

— Нет, это не просто шум, — сказала Ребекка и закрыла глаза на мгновение, вспоминая экран с изображением капсулы № 8. — Это резонансная волна, которая распространялась вслед за телепатическим влиянием объекта. Она могла исказить восприятие времени, заставлять людей думать, что они движутся быстрее или медленнее, и создавать ложные воспоминания.

— Вы хотите сказать, что люди могли поддаться гипнозу, даже когда объект находился в капсуле? — спросил другой учёный, с неохотой кивнув.

— Именно. И самое опасное будет, если объект вырвется на волю.

В этот момент в лабораторию вошла Тереза Ривер, оператор нейросети, доселе молчаливый человек, который обычно распознавал сигналы и предупреждал об опасности ещё до её появления на уровне базовых сенсоров.

— Рейн, пришла цепочка сигналов из четвёртого уровня. Что это за «удар»? — спросила Тереза, указывая на экран, где мигал датчик.

— Это не удар... — ответила Ребекка. — Нам нужно проверить все цепи управления: навигацию, стабилизаторы, энергокристаллы.

— Готовы? — переспросила Лиа, густо усмехнувшись.

— Готовы к тому, чтобы увидеть, как мир после этого изменится навсегда, — тихо сказала Ребекка.

Часть IV. Прорыв

В последний день связи акустика в лаборатории стала иной — в воздухе появился запах озона, которого там никогда не было. Видеосвязь с детьми оборвалась, сменившись бесконечными помехами.

— Мама? Ты здесь? — спросили Адам и Харви.

— Я здесь, я рядом, — ответила Ребекка, пытаясь сохранить голос ровным. — Я вернусь.

Внезапно сигнал тревоги пронёсся по залу, и всё вокруг замерло. Комната плавно покачивалась, будто они плыли по воде. Ребекка взглянула на экран, на котором блеснули строки кода и слова «непредвиденная ошибка» и «протокол активирован». Но это было уже поздно. В последнюю секунду

они заметили, как фигура на мониторе, которую они принимали за человека, повернула голову и уставилась прямо в камеру.

Тогда всё случилось.

Объект номер восемь не требовал слов — он действовал. Он не думал, не обсуждал план с кем-то — он просто знал, что делать, и делал.

Капсула не выдержала давления изнутри. Металл разошёлся по швам с тихим, почти вежливым скрипом, а затем воздух наполнился запахом озона и жжёной резины. Существо не побежало — оно просто перестало быть частью системы, в которой его держали.

Сначала умер оператор центрального пульта. Он даже не успел обернуться: что-то прошло сквозь него так быстро, что тело осталось сидеть, а голова уже катилась по рифлёному полу, оставляя за собой пунктир из брызг. Его пальцы так и застыли на клавишах — клавиши ещё секунду продолжали мигать, словно не поняли, что нажимать их больше некому. Кровь хлестала из разорванной шеи короткими фонтанчиками, заливая панель, затекала в щели между кнопками, и в её тёмной луже, как в чёрном зеркале, отражалось аварийное освещение.

Двое охранников открыли огонь. Автоматические очереди разорвали воздух, но пули лишь замедлили существо на мгновение — оно двигалось как жидкость, обходя препятствия, и в каждом движении чувствовалась не злость, а го-

лод. Оно вскинуло руку — и одного из стрелков развернуло в воздухе силой, которую невозможно было увидеть. Его бросило через весь зал, он снёс стеллаж с образцами и рухнул на стол, ломая хребет о металлический угол. Он ещё хрипел, ещё скрёб пальцами пол, когда существо наступило ему на грудную клетку — и та лопнула с хлюпающим звуком, выбросив наружу ребра, как обломки чего-то, что никогда не было человеком.

Крики оборвались по очереди, как лампы при отключении энергии. Тишина наступила в тот момент, когда дверь в основной зал распахнулась от удара изнутри.

Существо стояло в центре, освещённое аварийным светом, и смотрело на остатки своей темницы. Оно не торопилось. Ему больше не нужно было бежать. Оно было свободно — и это было страшнее любого оружия.

Старший инженер попытался спрятаться в дальнем углу, за столом, но существо вытащило его силой мысли и, указав когтистой рукой, швырнуло со всей силы в белую стену. Удар был настолько сильным, что разом сломались все кости. Обмякшее, бесформенное тело медленно сползло, оставляя кровавый след, вниз, к полу. На белой панели осталась неловкая, будто нарисованная кистью, роспись из крови — и она расплзалась вниз, капала, собиралась в маленькие лужицы, дрожавшие при каждом сотрясении корпуса.

Двое лаборантов замерли друг напротив друга. Они стояли, словно вкопанные, не моргая, их гримасы источали пер-

вобытнйй страх. Существо сжало свои руки — и их головы взорвались одновременно. Не с грохотом — с приглушённым, влажным хлопком, похожим на то, как лопаeтся мокрый мешок. Куски плоти, костяные осколки и горячие брызги разлетелись веером, падали на столы, на пол, на белые халаты тех, кто ещё дрожал в углах, — словно град, пронёсшийся над лабораторией, не предвещая ничего хорошего.

Паника и хаос охватили оставшихся. Двери не поддавались, ключ не срабатывал, аварийные створки заело, и запертые овечки осознали, что остались в одном стойле с волком. Кто-то колотил по стеклу, кто-то пытался вскрыть панель шкафа управления ногами, оставляя на металле кровавые полосы. Отсек превращался в мясную бойню: кровь, смешанная с реагентами и питательными жидкостями, растекалась по рифлёному полу, образуя липкие лужи, в которых отражались люди — уже не люди, а тени, обречённые гадать, чья очередь следующая.

— Он может управлять нами, — прошептал один из инженеров, прижимаясь спиной к стене, и Ребекка поняла, что эти слова означают больше, чем любой технический термин. — Он подчиняет людей на расстоянии.

— Мы создали то, чего не должно существовать, — сказала она вслух, и запах свежей крови ударил ей в нос, густой и горячий. — Мы создали то, что мы никогда не сможем контролировать...

Её тело поднялось в воздух раньше, чем она успела до-

говорить. Ребекка повисла над полом, беспомощно хватая ртом воздух, будто рыба на палубе, — и всё же успела закрыть глаза. В последний раз она подумала о своих детях, о своём муже. О том, что обещала вернуться. Секунда, резкая боль — и темнота.

В лаборатории осталось лишь эхо. Система вентиляции, ещё минуту назад гудящая, теперь издавала лишь прерывистый вздох, словно тоже боялась дышать. Существо медленно прошло вдоль столов, оставляя на полу тёмные следы, и остановилось у разбитого монитора. На экране ещё мигал текст: **«Нексус. Статус: ОШИБКА»**. Оно наклонило голову, и трещина в стекле поползла вверх, как ветка.

Оно не искало выход. Выход был внутри него — невидимый, как память о том, что было до. За стенами лаборатории начинался коридор, и существо шагнуло именно туда. Оно направилось в глубину комплекса, туда, где были люди, оставляя за собой кровавый след.

Сирена завывала где-то далеко, но звук был глухим, как из-под воды. Существо обернулось на мгновение, и в его силуэте, подсвеченном красным, те, кто был ещё жив, увидели саму неизбежность. Никому не спастись.

Через некоторое время яркий всплеск света обрушился на коридор. Металлический звон, похожий на удар молота, пронёсся по всей палубе.

Часть V. Тишина

Корабль начал медленно, как слезинка, исчезать из поля

зрения. Не в физическом смысле — корабль продолжал существовать, но его связь с внешним миром, с Землёй, была разрушена.

Через два месяца после старта «Пепел Неона» перестал выходить на связь с «Немезидой» и Землёй. Это не была обычная потеря сигнала. Это была яма, из которой не было дороги обратно. Сигналы пропадали точно в тот момент, когда корабль должен был отвечать. Попытки установить его местонахождение не давали результата. По заданному курсу корабль следовал до момента обрыва связи. Дальше — корабль будто и не существовал.

Год первый: ожидание

Харви и Адам ждали новостей каждый день — как и отец. Как и сотни других семей, что каждое утро собирались у экранов, будто от их упорства зависела хоть какая-то связь.

— Может, сегодня, — говорил Адам, забираясь с ногами на стул у терминала. Ему было пять, и он ещё верил, что достаточно попросить громче — и услышат.

— Может, — отвечал Харви. Ему было восемь, и он уже понимал, что «может» — это не ответ, а способ дожить до вечера.

Поиски корабля велись около года. Комиссия рассмотрела всё: аварию, диверсию, отказ систем, ошибку навигации, столкновение с неучтённым объектом. Ни одна версия не получила подтверждения. Проверили закрытые сектора, три-

жды перепроверили маяки слежения — ни следа, ни обломка, ни всплеска, ни тени.

На «Немезиде» объявили траур. Родные не получили ни подтверждения гибели, ни надежды на возвращение — только эту невыносимую середину, в которой человек уже не жив, но ещё и не мёртв, и потому его нельзя ни оплакать, ни дожидаться.

Каждый день они выходили на связь в назначенный час. В динамиках оставалась тишина — ровная, стерильная, вычищенная от шума помех, и от этого ещё более мёртвая.

Дети перестали спрашивать, когда вернётся отец или мать. Взрослые научились не смотреть на пустые кресла в столовой.

Год второй: дело закрыто

Через два года поиски официально свернули. Корабль вычеркнули из реестра активных объектов — но не из памяти.

— Дело закрыто, — сказал как-то отец, вернувшись с работы. Он не сел. Просто стоял в дверях, держась за косяк, будто боялся, что комната его не выдержит.

— Совсем? — спросил Харви.

— Совсем.

Технические службы закрыли дело, но в архивах осталась пометка, которую потом будут перечитывать десятилетиями: **«Объект не деградировал — исчез»**. Ни одна теория не объясняла, как тысячи человек и многотонная конструкция могут просто перестать занимать место в пространстве. Не

разрушиться. Не сгореть. *Перестать быть.*

Год третий: привыкание

Третий год принёс другое горе — привыкание.

Это было хуже ожидания. Ожидание горит, оно болит, оно заставляет вскакивать ночью. Привыкание не болит. Оно просто выключает свет внутри, и однажды утром ты понимаешь, что уже неделю не думал о ней — и ужасаешься не её отсутствию, а своему спокойствию.

Люди перестали ждать новостей.

Год четвёртый: имя без звука

На четвёртый год на Земле перестали произносить имя «Пепел Неона» вслух. Оно осталось в документах, в личных дневниках, в снах тех, кто когда-то махал рукой у экрана прощания. Тишина стала не ответом, а фоном. И в этом фоне все жили дальше — с незакрытым вопросом, который не имел ответа.

Дети, родившиеся после исчезновения, знали это имя только как строчку в учебнике истории — без интонации, без запаха гари, без дрожи в голосе. Для них «Пепел Неона» был чем-то вроде древней легенды о городах, которых никто не видел. Взрослые не поправляли их. Но и не рассказывали больше, чем написано.

Мама больше не звонила.

Сначала Харви и Адам ждали у телефона — сидели в гостиной на одном и том же месте, смотрели на аппарат

так, будто тот мог взорваться от напряжения или, наоборот, ожить от их упорства. Они считали дни. Потом недели. Потом перестали считать — числа стёрлись, как мел с доски, до которой больше не дотрагиваются.

В пять лет Адаму ещё многое было непонятно. Но восемь — это возраст, когда мир ещё помещается в ладони, но уже начинает трескаться по швам, и ты видишь первые трещины и не знаешь, что с ними делать.

— Харви, — позвал Адам однажды ночью. — А если я буду очень хорошо себя вести, она вернётся?

Харви долго молчал в темноте.

— Спи, — сказал он наконец. — Я рядом.

Он не сказал «да». Он ещё не умел врать.

Харви научился засыпать, прижимая к уху подушку, потому что так он слышал её голос — не настоящий, а тот, что остался в памяти: с ласковой насмешкой, когда она звала его «мой маленький упрямец». Он повторял эту фразу шёпотом, чтобы не забыть интонацию, чтобы голос не стёрся, как мел.

Харви больше не спрашивал у отца, почему мама перестала звонить и почему она не вернулась. Тот лишь пожимал плечами и смотрел в окно — и в этом взгляде было больше пустоты, чем в любой комнате.

Харви вырос настолько, что уже решал задачи с дробями и не плакал, когда на улице шёл дождь — потому что мама говорила: дождь — это просто небо умывается.

Но он так и не выучил главного: **как жить, когда телефон молчит, а в доме пахнет чужим одиночеством.**

Иногда по ночам он слышал, как отец тихо плачет. Плач был негромкий, аккуратный, будто отец боялся, что его услышат даже стены. Харви закрывал глаза и представлял, что мама просто уехала очень далеко, где нет связи. Что она стоит где-то на краю тёмного поля и смотрит в небо, и тоже ждёт.

Он ждал. Он ждал и продолжал надеяться — и это было самое утомительное занятие в его жизни.

Прошло ещё несколько лет. Харви научился чинить лампы, менять лампочки и готовить еду для себя и Адама, быть ответственным не только за себя, но и за младшего брата. Отец всё чаще задерживался на работе, и дом становился просто местом, где нужно спать.

Харви не злился на него. Он понимал: отец тоже ждёт. Просто ждёт по-своему — молча и безнадёжно, как ждут люди, у которых уже отняли всё, кроме привычки.

Однажды вечером, когда Адам уже спал, Харви подошёл к телефону, который по-прежнему стоял на столе в гостиной. Он провёл пальцем по трубке, по потёртому экрану — и вдруг понял, что больше не слышит её голос.

Тот голос, что он берёт годами, повторял перед сном, вытаскивал из памяти в самые тёмные ночи, — растворился.

Как сахар в тёплой воде. Не исчез совсем, но перестал иметь вкус.

Харви не испугался и не заплакал. Просто сел на пол, прислонился спиной к столу и долго сидел, глядя в темноту коридора.

Он понял: ждать можно бесконечно, но надежда — это не обещание возвращения. Это всего лишь способ не разбиться. И он выбрал жить с этим, не задавая вопросов, на которые никто не ответит.

Утром он поднялся, сварил кофе для отца, разбудил Адама и пошёл в школу. Никто не заметил, что в этот момент Харви изменился.

Харви стал замечать, что мир вокруг него не остановился. Соседи здоровались с ним как ни в чём не бывало, учителя хвалили за аккуратность, а Адам начал приносить из школы рисунки.

На одном была нарисована семья: отец и двое мальчиков, все с одинаковыми улыбками. Ни матери, ни пустого места, которое она должна была занимать. Просто не было — и всё.

Харви повесил рисунок на холодильник, не сказав ни слова. Он не стал объяснять Адаму, что семья бывает и другой. У младшего было право на свою версию памяти.

Отец иногда приходил домой раньше обычного. Они сидели на кухне, пили чай и говорили о пустяках — о погоде, о ремонте, о ценах в магазине. Харви замечал, что отец ста-

реет, и в его молчании больше нет прежней напряжённости — только усталость. Так стареют люди, которые научились не надеяться.

В одну из ночей Харви проснулся от того, что в коридоре горел свет. Он вышел и увидел отца, сидящего на том же месте, где не так давно сидел сам.

Отец не обернулся.

— Тоже не спится? — спросил Харви.

— Иди спать, — тихо ответил отец. — Утром в школу.

Харви сел рядом. Они просидели так до рассвета, и никто из них не произнёс больше ни слова.

Наутро Харви впервые за долгое время не думал о том, что могло бы быть. Он просто жил — чинил краны, варил кофе, будил брата.

Отец растил Адама, уделял ему больше времени и внимания — в то время как Харви становился самостоятельным, с грузом на сердце и пустотой в душе, которых никому не показывал и о которых никому не говорил.

Он научился жить с этим.

Его наивный детский взгляд стёрся. Вместо него появился мужской — глубокий и холодный одновременно. Он не забыл, как мама вышла за дверь и больше не вернулась. Он помнил, как в тот день прервалась связь — резко, посреди фразы, будто кто-то выдернул звук из мира.

Спустя годы он понял тревогу в её голосе. Понял слишком поздно, когда уже некому было задать вопрос.

Харви пришлось спрятать все свои переживания где-то там, глубоко внутри себя, чтобы просто жить дальше. Он стал удобным сыном, надёжным братом, незаметным человеком. Удобные люди не мешают. Незаметных не спрашивают. Это была его маленькая одиночная война, о которой не знал никто.

Прошли годы.

Харви поступил на службу в военный корпус космического корабля **«Империя»**. Адам остался с отцом — заканчивать школу.

Для них этот мир уже не был тем, чем он казался когда-либо.

В первый вечер на борту Харви стоял у иллюминатора и смотрел, как Земля уменьшается до горошины, до искры, до шёпота. Где-то там остались отец, брат, рисунок на холодильнике и телефон, который больше никто не ждал.

Наверху, среди холодных звёзд, было так же тихо, как в динамиках тогда. Только теперь эта тишина не пугала его.

Она была домом.

Глава Вторая: Харви «Могильщик» Рейн

Часть I. Империя

Первые два года Харви Рейн служил на космическом ко-

рабле военного типа под названием «Империя». Там из него выковали солдата: умение стрелять из любого вида оружия, безупречное владение ножом, рукопашный бой в тесных коридорах, где размах локтя уже роскошь. Он стал образцовым курсантом — не потому, что любил службу, а потому, что не умел делать ничего наполовину.

Каждое утро начиналось с изнурительной тренировки в трюме, где свет тусклых ламп выхватывал из темноты металлические стены, покрытые царапинами от случайных очередей. Он учился не просто убивать, а выживать в условиях, когда пространство сжимается до размеров тесной каюты, а каждый поворот коридора может стать последним.

Харви прошёл определённые этапы подготовки — и каждый из них врезался в его характер, как резец в сталь.

— Смотри на карту, — говорил старший инструктор, и голос его был тихим, но точным, как удар по металлу. — Когда ты идёшь в первую зону, ты не свернёшь на ходу. Ты держишь курс, ты знаешь, где выход, и ты делаешь выбор мгновенно.

— Но что, если выбор не тот? — спросил молодой Харви, и глаза его блуждали по карте, будто пытались найти ответ в узких линиях.

— Тогда ты не первый, кого вынесли из строя, — ответил инструктор, и взгляд его задержался на фигуре бойца. — Ты выживаешь не потому, что сильнее. Ты выживаешь потому, что умеешь слышать молчание. В симуляциях слушай не то,

что говорит собеседник. Слушай то, о чём он молчит.

На занятиях по тактике зал гудел низким гулом снабжения, а на стенах вспыхивали яркие зоны — сценарии, где не было одного «правильного» решения.

— Ты должен предугадывать ситуацию, — говорил другой инструктор сухим, как песок, голосом. — Здесь каждый шаг — риск. Но если ты играешь по правилам, игра превращается в стратегию. Ты не просто стреляешь — ты предугадываешь, что увидишь после выстрела.

Они учились работать в тесноте: читать поведение экипажа под давлением, распределять ответственность так, чтобы не взорвалась система жизнеобеспечения. В лабораторных симуляциях Харви учился видеть каждый элемент — карту коридоров, расположение постов охраны, траектории противника. И каждый раз возвращался к одной и той же мысли: неважно, как ты стреляешь — важно, останешься ли ты в живых.

— Реальная война — это не про людей, которые держат пушку, — говорил он себе с юношеской заносчивостью, даже когда сидел на краю стула во время очередной тренировки. — Это про людей, которые держат друг друга.

Харви научили определять траекторию противника по поляризации его сигналов, использовать резервные пути и не поддаваться искушению «просто действовать» в ущерб группе. Он проверял расстояние между отсеками, высчитывал время, за которое можно перебросить людей по вентиляции

на другой маршрут. Он знал это не потому, что любил считать, а потому, что так выживают.

Наставник, бывший командир, требовал от него не только точности, но и «видения» — умения предугадывать движение врага по ритму дыхания.

— Видишь, — говорил наставник, — неважно, сколько у врага оружия. Важно, когда ты сможешь предвидеть его шаг. В этот момент ты не просто стреляешь — ты заранее устраняешь угрозу, оставаясь тенью.

На занятиях Харви разбирал сотни сценариев: от штурма захваченного грузового отсека до обороны мостика при отказе систем жизнеобеспечения. Он учился читать карты звёздных секторов, вычислять траектории противника и прогнозировать действия экипажа в условиях паники. Каждое решение должно было быть мгновенным и точным, как выстрел из импульсной винтовки.

Инструкторы ставили его в ситуации, где не было правильных ответов — только вероятность выживания. Харви привык к тому, что цена ошибки измеряется не баллами, а жизнями. Он научился доверять своим рефлексам, но проверять их холодным расчётом. В его памяти отложились все слабые места стандартных военных кораблей и особенности поведения экипажей под давлением.

Часть II. Нож и пуля

Учебный зал гудел от напряжения. Курсант Харви Рейн, сжимая деревянный нож, стоял напротив инструктора —

массивного мужчины со шрамом на подбородке. Тот не спешил, держа оружие расслабленно, но взгляд был холодным, сканирующим каждое движение новичка.

Харви шагнул вперёд, делая ложный выпад влево. Инструктор не шелохнулся. Тогда курсант рванул вправо, целясь в корпус. Дерево встретило дерево — блок был точным и жёстким, отдал дрожью в запястье. Рейн отскочил, перехватывая рукоять, и сделал короткий укол в бедро. Инструктор ушёл корпусом, подцепил его руку снизу и крутанул, вынуждая развернуться спиной.

Харви поскользнулся, но успел сгруппироваться, оттолкнувшись от пола. Он зашёл сбоку, имитируя захват за кисть противника. Инструктор коротко хмыкнул — мол, неплохо — и вдруг сократил дистанцию, прижав его к стене. Нож курсанта оказался прижат к груди. Рейн вывернул запястье, освобождаясь, но получил лёгкий толчок плечом в ключицу.

— Дыхание, — бросил инструктор.

Харви выдохнул, поняв: в бою он забыл про ритм. Зал снова ожил — они начали медленный круг, и курсант уже искал не удар, а правильный шаг.

Инструктор остановился, опустив нож.

— Ты видел только его клинок, а не плечи. В бою смотрят на корпус, на ноги. Оружие — продолжение, запомни это.

Харви кивнул, обдумывая слова. Они снова сошлись, и теперь он старался держать взгляд на груди противника, замечая, как тот переносит вес перед выпадом.

Рейн сделал шаг вперёд, но не атаковал, а лишь сократил дистанцию. Инструктор чуть подался назад, проверяя его реакцию. Харви не двинулся, ожидая. Тогда инструктор сам сделал короткий выпад — курсант ушёл корпусом в сторону и мягко накрыл его руку ладонью, направляя клинок мимо себя.

— Уже лучше, — сказал инструктор, разрывая контакт. — Но ты снова задержал дыхание при контратаке. Учись дышать вместе с движением, иначе мышцы деревенеют. Запомни: дерево — это не дерево. Это чужой нож, чужое горло, чужая жизнь. Привыкай смотреть на палку как на плоть.

Они сделали ещё круг. Харви дышал ровно, в такт шагам. Его нож уже не казался чужим, а рука перестала сжимать рукоять до боли. Он ждал момента, когда инструктор откроется — не по небрежности, а по усталости, — и готовился ответить не ударом, а точным шагом вперёд, чтобы остаться в его зоне.

Инструктор сделал ещё два быстрых шага, но Харви не сдвинулся с места. Он смотрел, как тот переносит вес на заднюю ногу, — и в этот момент понял, что выпад будет не коротким, а с подшагом. Харви шагнул не назад, а чуть вперёд и в сторону, встречая движение противника плечом. Клинки скользнули мимо, не коснувшись друг друга.

— Хорошо, — сказал инструктор, опуская нож. — Ты перестал бояться его оружия. Теперь бой для тебя не про клинок, а про расстояние.

Они разошлись. Харви повернулся боком, держа нож низко. Он не ждал атаки — он слушал шаги. Когда инструктор снова двинулся, курсант сделал шаг вперёд, оставаясь в его зоне, но не давая ему занять удобную позицию. Дыхание оставалось ровным, плечи — расслабленными.

Инструктор остановился и усмехнулся.

— Всё. На сегодня достаточно. Ты понял главное: бой начинается не с удара, а с шага.

Часть III. Сто баллов

Экзамен по огневой подготовке курсанта Харви Рейна начался в шесть утра на полигоне «Империи». Туман стелился низко, но Рейн не отвлекался. Он проверил «Арес»: затворная задержка, магазин на пятнадцать патронов, патронник пуст. Инструктор, майор Стоун, подал сигнал — три коротких свистка.

Первое упражнение — стрельба с колена на дистанции двадцать пять метров. Рейн опустился, выдохнул, поймал мушку в прорези целика. Десять выстрелов — десять пробоев в «яблоке», разброс не превысил двух сантиметров. Стоун кивнул, записал в планшет.

Второй этап — скоростная стрельба из-за укрытия с переносом огня по двум мишеням. Рейн рванул вправо, вскинул оружие: первая мишень — четыре попадания в грудь, вторая — контрольный в голову. Время — четырнадцать секунд, норматив — двадцать.

Третий блок — стрельба в движении, смена магазина на

бегу. Рейн уронил пустой магазин, вставил новый, передёрнул затвор — без задержек. Последняя серия — три выстрела влево, три вправо, все в зону поражения.

Майор Стоун подошёл к Рейну, осмотрел мишени, снял наушники.

— Отлично, курсант. Сто баллов. Допуск к полевому выходу.

— Есть, — Рейн опустил оружие, достал патрон, включил предохранитель.

Туман рассеялся — день начинался с победы. Для курсанта это было не просто упражнение. Каждый выстрел, отточенный за месяцы изнурительных тренировок, вкладывал в цель не только свинец, но и холодную дисциплину, которая превращала его руки в продолжение оружия. Он не думал о судьбе или страхе — он дышал в такт спуску, забывая о весе кобуры и усталости в плечах.

Когда майор объявил результат, Рейн не позволил себе улыбки. Он лишь коротко козырнул и вернулся на исходную позицию, ожидая следующей команды. Товарищи по взводу смотрели на него с уважением, но он не искал их взглядов — для него важнее было то, что его действия теперь будут образцом для новичков.

Вечером, разбирая экипировку, Харви вспомнил, как впервые взял в руки оружие — с дрожью и неуверенностью. Теперь же он знал: экзамен был лишь формальностью. Настоящая проверка ждала впереди, и он был готов встретить

её с тем же холодным, расчётливым спокойствием.

Следующим этапом стали симуляции реальных боёв, где он командовал небольшими группами. Харви быстро понял, что идеальная стратегия бесполезна без исполнителей, готовых рисковать. Он научился чувствовать настроение товарищей, улавливать усталость и страх. К концу службы он знал: побеждает не тот, кто стреляет лучше, а тот, кто сохраняет ясность ума, когда всё горит.

Он знал, что дисциплина — единственный щит против хаоса, который царил за пределами корабля. Харви запоминал расположение каждого отсека, каждого люка, каждого аварийного выхода. Его тело стало машиной, реагирующей на угрозу раньше, чем мозг успевал осознать опасность.

Но дисциплина была не только в технике. Она была в том, как он дышал — ровно, глубоко, экономно. В том, как он ел — по расписанию, небольшими порциями, чтобы не перегружать желудок. В том, как он спал — короткими отрезками, всегда готовый проснуться от сигнала тревоги. Харви не позволял себе эмоций. Они были роскошью. Так он выживал. И это был его единственный способ оставаться человеком в мире, который давно перестал быть человеческим.

Часть IV. Операция «Прометей»

Операции по защите Империи всегда звучали как легенды, но история «Прометея» была особенной. Именно тогда Харви сделался тем, кто не спрашивает дозволения и дей-

ствуует один — чтобы уничтожить цепь ловушек и противников.

На первый взгляд — опустевшая база, окружённая ледяной пылью. Харви шёл один, имея лишь нож. Никакого огнестрельного оружия, никаких выстрелов, никаких лишних шумов — только рука и холодное решение.

Харви подошёл к забору наземной части базы, где холодный воздух от ветра и запах металла сливались в один резкий привкус. Он знал: здесь не осталось ни одной ошибки.

Внешний обход начался через тёмный коридор подземной службы. Он двигался низко, ближе к стене, и каждый шаг был точным, будто он просчитывал траекторию каждого врага ещё до его появления.

— Впереди первый охранник, — прошелестел в канале голос Ли. — Держит сектор по левому флангу. Без лишнего шума.

Харви остановился в тени, ощутил холод на щеке от вентиляционной струи. Он перехватил взглядом положение камеры над дверью и зафиксировал её траекторию. Никакой паузы — шаг вперёд, как кошка, и рукоять ножа оказалась на нужной высоте.

Первый контакт произошёл бесшумно. Охранник стоял спиной, расслабленный, с автоматом на ремне — он верил, что база всё ещё под их контролем. Харви подошёл вплотную, взял его за подбородок и коротким, экономным движением перерезал горло. Хлынувшая кровь ударила в стену,

охранник захрипел, попытался схватиться за перерезанное горло — пальцы заскользили, — и осел на колени. Харви удержал его за плечо, не давая упасть плашмя, и аккуратно уложил на пол. Только холодный шёпот металла и хрип, который затих через несколько секунд.

Второй шёл по коридору с фонарём — луч метался по стенам, выдавая его раньше, чем он успевал понять, что происходит. Харви шагнул из ниши, накрыл ему рот ладонью и вогнал нож под рёбра, снизу вверх, дважды. Тело дёрнулось, фонарь выпал, застучал по полу — Харви поймал его носком ботинка, не дал звуку уйти дальше. Всё.

Харви не стал оставлять трупы на виду. Взяв за локти, он оттащил обоих в сторону, в нишу за кабельным стояком, чтобы не привлекать внимание, — и исчез в темноте, чтобы появиться там, где нужно: на границе между коридорами. Никаких слов, только жесты и мгновенная ясность действий.

Бой и обход ловушек продолжились у входа в центральный узел базы. Лазерные дорожки, как нити света, готовы были согнуться под любым предметом: ботинком, рукой, стальным прутком. Харви знал: если хотя бы одна нить коснётся кожи — искры и звук. Он внимательно осматривал коридоры и помещения.

— Иду по вентиляции, — сообщил он через внутренний канал. — Не привлекая внимания камер. Маскировка включена.

— Держи дистанцию от основного контура, — ответил

Ли, координатор операции, следивший за излучением и частотами. — У них сканер на частоте двести двадцать. Подойдём ближе двух метров — увидят.

Харви двинулся дальше, и вдруг над ним послышался странный, почти музыкальный звук: не шаги, а резонанс, будто база дышит.

— Не паникуем, держим себя в руках, — еле слышно повторял он себе.

Обход ловушек можно было описать так: он продвигался по узкому туннелю вдоль труб и кабелей, выискивая слабые места в цепи защиты. В какой-то момент он пересёк узкий карман, где лежали ящики с оборудованием. Три лазерных нити пересекались здесь так плотно, что пройти можно было только одним способом — на спине, вдавившись в пол, головой вперёд, задержав дыхание до предела. Харви прошёл. Волосы на затылке зашипели, когда одна нить прошла в сантиметре над кожей.

Харви нашёл обходной путь через вентиляцию к залу, где находились учёные-заложники. Он снял маску, чтобы не пугать людей, и вошёл. В этот момент команда противника перестроила маршруты и позиции: они неслись вперёд по узким коридорам, где тёмные стены сливались с темнотой. Стало заметно, что база не пустая — кто-то из охраны ощутил слабый шёпот движения и рванул к двери, но Харви уже находился в нужной комнате.

Над ними снова зашипели датчики. Харви вошёл в первую

дверь, за которой обнаружилась комната с оружием — свидетельство того, зачем база была захвачена на самом деле. Здесь лежали контейнеры с элементами, которые могли усилить боевые корабли «Империи». У стены стоял шкаф, на полках которого находились папки с документами, всего десять. Каждый номер сопровождался названием и двумя главными буквами через точки. У восьмой папки было название «Нексус» и инициалы Р.Р. Харви машинально обратил на них внимание, но в память врезалась именно эта папка. Читать было некогда — задача сейчас была другой. Просто он понял: база — не место для учёных и их экспериментов. Это склад оружия для будущих боёв.

Операция развивалась быстро. Харви обошёл охрану с двух сторон, расчищая линию обороны без лишних слов, и каждый шаг сопровождался молчанием. Он двигался без света, используя тени как щит.

С каждым проходом база стонала от его молчаливой атаки. Он отключал системы обогрева и освещения по очереди, чтобы ловушки не активировались вслепую. Он делал шаг за шагом так, чтобы каждый удар был не громким, но решительным.

Финал операции настиг Харви в командной комнате, где находился главный противник. Этот человек пытался вести переговоры — держал в руке передатчик, говорил в эфир о требованиях, о заложниках, о том, что база заминирована и любой штурм приведёт к жертвам. Харви, как и в прошлых

операциях, не вступал в спор. Он не говорил ни слова. Просто шагнул из тени, и переговоры закончились.

У главного противника не было шанса: удар ножом был точен, резок — под челюсть, вверх, — и противник упал без пауз. За ним — ещё один охранник, успевший вскинуть оружие: Харви ушёл в сторону, перехватил ствол, вогнал нож ему в основание шеи. Миссия выполнена.

Дальше — в центральный зал, где находились учёные. Они сидели связанные, глаза расширены от тревоги. Он шагнул ближе, опустил нож и спокойно произнёс:

— Развязываемся, но без шума. Говорить не надо — просто идите за мной.

Учёные обменялись взглядами, развязали друг друга и встали. Один из них, дрожащим голосом, спросил:

— Вы... вы один человек?

— Один, да. Но вы должны идти за мной. Сюда — к выходу, — ответил Харви, и его голос не дрожал.

Он не был жестоким, но внутри звенела холодная уверенность: каждый его шаг забирал одну угрозу, одного противника. Он провёл их через лабиринт коридоров, проскользнул по вентиляционному туннелю и вывел группу к внешнему люку, где холодный воздух обрушился на лица.

Эта операция, действия Харви — всё было тщательно спланировано. Потому что «Прометей» должен был стать уроком: уроком молчания и скорости, где не остаётся свидетелей и не бывает вторых попыток. Он не искал славы; он ис-

кал минимальные потери и максимальную эффективность. И эту ночь он не забывал.

Часть V. «Могильщик»

После «Империи» Харви подписал контракт на службу на орбитальной станции «Немезида». Его операции были суровы и точны: он двигался как тень, устранял цели без шума и следов. Вскоре его имя стало легендой — не буквы на документах, а реальная сила, к которой боялись приблизиться.

Позывной Харви Рейна стал **«Могильщик»**. Это прозвище он получил после битвы с противником на «Спартанце». Та ещё была мясорубка. Космический корабль атаковали вражеские силы — всё как обычно: захват высокопоставленных лиц, казнь заложников, требования и угроза оружием, которое уничтожит всё и всех. Пока они диктовали условия, Харви Рейн уже пробрался на «Спартанца», чтобы не оставить врагу ни единого шанса на спасение.

Он двигался по вентиляции, как тень, не издавая ни звука. Перерезал связь, отключил освещение в секторах, где держали пленников, и начал методично зачищать коридоры. Враги ждали переговоров, а получили тишину, из которой выходила смерть.

Первый патруль он убрал за четыре секунды. Двое шли вдоль стены, третий замыкал. Харви выпал из вентиляционной решётки прямо под ноги замыкающему: нож вошёл снизу в бедро, прошёл вверх под брюшной щиток, и солдат осел беззвучно, только кашлянул кровью. Передний обернулся

поздно — Харви был уже вплотную, схватил его за шлем и ударил лицом в переборку. Хруст слышался даже сквозь гул двигателей. Третьего он догнал у поворота, сбил с ног подсечкой и добил. Они ничего не успели понять. Недоумение навсегда застыло на их лицах.

Второй патруль засёк его, но лишь на мгновение — и это мгновение стало последним в их жизни. Один успел вскинуть винтовку; Харви швырнул в него нож, лезвие вошло в предплечье, оружие грохнулось на пол. Рывок, захват, поворот — и уже его нож входил в горло. Резкая боль, пульсирующая кровь — и всё.

Третий отряд охранял мостик: четверо, в тяжёлой броне, с плазменными щитами. Здесь тихо не получилось. Харви сорвал с пояса светошумовую, бросил за переборку — вспышка, визг, слепые выстрелы в молоко. Он вошёл в этот хаос снизу, подрезая коленные связки первому, второму — в спину между пластинами, третьего застрелил из подобранныго пистолета в щель шлема, четвертого добил в упор. Всё заняло девять секунд. Коридор залился кровью, а Харви уже шёл дальше, не сбавляя шага.

Харви не использовал взрывчатку, не поднимал панику. Он работал тихо, как его прозвище.

Когда они поняли, что корабль потерян, было поздно. Рейн добрался до капитанского мостика, вскрыл дверь за минуту и вошёл, когда вражеский лидер ещё говорил в эфир о своих требованиях. Харви снял его одним выстрелом в голо-

ву, затем развернулся к остальным. Те бросили оружие. Он не стал их убивать — просто сказал:

— Передайте вашим, что «Спартанец» теперь мой.

После этого он освободил заложников, и никто больше не называл его иначе, как Могильщик.

После той операции о нём заговорили не как о спасителе, а как о силе, которую лучше не тревожить. Командование присвоило ему официальный статус «специалист по скрытому устранению», но в донесениях всегда стояла одна и та же пометка: «Работает без свидетелей. Свидетелей не остаётся». Харви не искал славы — он искал эффективность, а она пахла порохом, кровью и тишиной.

Часть VI. «Отшельник»

Каждая новая миссия была похожа на предыдущую: он проникал, зачищал, исчезал, оставляя после себя лишь кроваво-красный след.

Следующим заданием Харви отправили на захваченную станцию «Отшельник», где удерживали около сотни заложников. Враги выставили посты через каждые десять метров, но Рейн прошёл сквозь них, как игла сквозь ткань. Он не тронул ни одного охранника до тех пор, пока не оказался в сердце станции — в реакторном отсеке, где держали детонатор. Там он остановил процесс за считанные минуты, а потом вернулся к выходу, и только тогда началась зачистка.

Рейн двигался, как тень, отбрасываемая мигающим аварийным светом. Первый охранник упал без звука — глу-

хой удар, хрип, наполняющийся тёплой жидкостью, тишина. Второй даже не успел повернуть голову: нож вспорол ему горло от уха до уха, кровь ударила в стену фонтаном. Харви придержал тело, не дал ему рухнуть на решётчатый пол, — и пошёл дальше.

Он не использовал огнестрельное оружие: только руки, нож, ловкость и знание того, где у человека заканчивается сила. Коридоры «Отшельника» были узкими, с низкими потолками, и это давало ему преимущество: он работал локтями, коленями, корпусом, вжимая врагов в стены, как пресс, и добивая стальным лезвием. Одному он сломал шею ударом предплечья — тот даже не успел вскрикнуть, только воздух вышел из лёгких со свистом. У другого выкрутил руку с пистолетом так, что сустав вышел из гнезда, — и выстрелил из его же оружия в третьего.

Дальше пошли двое с дробовиками. Рейн бросил им под ноги дымовую шашку, и когда они закашлялись, вышел из дыма сбоку: схватил одного за ствол, вывернул, ударил прикладом в висок — тот сложился вдвое и больше не поднялся. Второго — ногой в колено, затем в челюсть, после добивание, чтобы противник не встал и не стал той проблемой, которая испортит всё.

В реакторном отсеке он не стал тратить время на переговоры: снял троих с постов, выбил детонатор из рук техника — короткий хук в челюсть, захват запястья, рывок, — перерезал кабель питания. За шлюзом начинался технический

уровень: ржавые трубы, гул вентиляции, запах машинного масла. Рейн сбросил темп, прислушиваясь к шагам за спиной. Погоня отстала, но ненадолго. Он знал, что через минуту включают резервные контуры и заблокируют все выходы. Он двигался на ощупь, считая повороты: третий — налево, пятый — направо, мимо компрессора, под лестницей.

У запасного люка его ждала засада. Двое с электрошокерами, один с баллоном слезоточивого газа. Рейн не остановился. Он ушёл в сторону, развернулся на каблуках, и его локоть встретил первого под челюсть — голова мотнулась назад, шейные позвонки хрустнули. Второй вскинул баллон, но Рейн уже был ближе: схватил за запястье, вывернул — и газ ударил в лицо самому стрелку. Тот заорал, схватился за глаза, и Харви коротким ударом в горло оборвал крик. Третий побежал. Рейн догнал его у двери — прыжок, захват за ворот, удар затылком о косяк. Тишина.

Его методы не менялись, но менялось отношение к нему. Люди, которым он спасал жизнь, не испытывали благодарности — они испытывали страх. Могильщик не здоровался, не улыбался, не объяснял своих действий. Он появлялся, делал работу и уходил, оставляя после себя только залитые кровью пустые коридоры и тела тех, кто был готов стрелять.

Однажды его спросили, почему он не берёт пленных. Харви ответил коротко:

— Пленные требуют времени, а время — это лишние смерти.

Он не был жестоким, он был расчётливым. И в этом расчёте не было места ни жалости, ни колебаниям. Его прозвище стало его сутью: он не хоронил людей, он просто не оставлял им шансов стать мёртвыми позже.

После «Отшельника» о нём заговорили в штабах шёпотом. Его перестали включать в сводки, словно само имя стирало реальность. Харви получил новый допуск, но вместе с ним — и негласный запрет на любые контакты с гражданскими. Он стал тенью, которую никто не хотел видеть, но все знали, что она существует.

Его репутация росла, как трещина во льду, — незаметно, но необратимо. Даже те, кто платил ему, начинали избегать прямых встреч. В донесениях всё чаще мелькала фраза: «Объект не поддаётся прогнозированию». Это была правда — он не поддавался ни прогнозам, ни пониманию. Харви стал инструментом, который не спрашивает, зачем его применяют.

Каждый новый приказ приходил в виде короткого шифрованного письма, без подписи и без обратного адреса. Харви читал, запоминал, сжигал. Он знал: если в тексте мелькало слово «чисто», значит, не должно остаться ни следов, ни осечек. Его методы были отточены до рефлекса — он не думал, он действовал. Дверь, коридор, тень, выстрел. Всё сливалось в один короткий ритм, после которого наступала та самая тишина, которую он ценил больше любых наград.

Но со временем он заметил, что его начали избегать даже

свои. В штабе с ним здоровались коротко, отводили глаза, а документы передавали через адъютанта. Харви не обижался. Он понимал: чем меньше о нём знают, тем дольше он сможет работать. Однако в последнем задании была одна странность — в списке целей значился человек, которого он лично вытащил из-под обстрела три года назад. И теперь его имя стояло рядом с пометкой «неизбежно». Харви перечитал лист, сложил его вчетверо и впервые за долгое время сжёг, не поставив подписи о выполнении.

Часть VII. «Кайрос» и «Вектор-9»

«Кайрос» встретил Харви тишиной — той особой, что бывает только на мёртвых базах. Пыль Некро-Ариды висела в воздухе, как пепел после пожара. Могильщик опустился на крышу ангара беззвучно, слившись с тенью. На его счёту было столько спасённых и столько уничтоженных, что эти цифры уже не записывали в рапорты.

Он шёл по коридору, где пахло сгоревшей проводкой, свежей кровью, страхом и потом. В ухе гудел голос наводчика: «Сектор Б, три заложника, шесть охранников». Могильщик снял их по одному — без выстрелов, только лёгкий хруст и глухой удар. Тела он оставлял в углах, как ненужный мусор.

Противник ждал его у двери штурмового отсека. Двое, с плазмоганами. Рейн бросил дымовую гранату, и в белом тумане сделал два шага вбок, затем вперёд. Холодный металл ножа вошёл в мягкое под горлом первого — тот осел, схватившись за шею, кровь хлынула между пальцами. Второго

он придавил к стене, сломав кисть, и вырвал оружие. Нож аккуратно, быстро и чётко прошёл между ребёр и вонзился в сердце.

Заложники сидели на полу, глаза, наполненные страхом, с непониманием происходящего. Могильщик не смотрел на освобождённых. Для него они все были на одно лицо, с одними и теми же эмоциями, которые нисколько его не волновали.

— Идите за мной, — сухо сказал он.

Сзади хлопнула дверь: командир базы, тяжёлый, в броне. Рейн развернулся и выстрелил трижды — в плечо, в щит, в голову. Командир рухнул замертво, так и не успев ничего предпринять.

Наверху ждал транспорт. Харви подтолкнул людей в люк, а сам обернулся. База взорвалась через минуту, но он уже не смотрел.

Последняя известная операция случилась на орбитальном комплексе «**Вектор-9**», где мятежники захватили командный центр. Харви вошёл через вентиляцию, тихо вырезал охрану за одиннадцать минут и нашёл главаря в кабинете связи. Тот успел нажать тревожную кнопку, но это не спасло его. Харви вышел из комплекса через три минуты после сигнала, а через двадцать минут станцию признали зачищенной. Он не оставил ни следов, ни объяснений — только тишину, которая теперь стала его единственным постоянным спутником.

Часть VIII. Каюта

Приходя в свою каюту, Харви снимал эту маску беспощадной машины убийств. Он брал в руку фотографию, где улыбаются мама, он с братом и отец. Одиннадцать минут — ровно столько, сколько заняла операция по вырезанию охраны на «Векторе-9». Он давал себе столько же времени на воспоминания. Потом складывал фотографию в металлический ящик под койкой и возвращался к состоянию, которое его кураторы называли «рабочим режимом».

Тело Харви было усыпано шрамами. Одни — тонкие, почти незаметные, тянулись вдоль рёбер, как следы от случайных порезов. Другие — грубые, рваные, напоминали о том, что не всегда удавалось уйти от удара. Но самым заметным был рубец на левом предплечье — место, где плоть уступила место металлу. Биомеханическая часть руки, собранная из титановых пластин и сервоприводов, работала с почти человеческой точностью, но лишь сам Харви знал, как иногда она отзывалась глухой болью, будто память о живом не хотела покидать сталь.

Операции не всегда проходили гладко. Но он не позволял себе сомневаться — каждая ошибка становилась уроком, каждая неудача — чертежом для следующего шага. Поставленные задачи были выполнены в любом случае, потому что иначе он не умел. Шрамы не мешали ему — они лишь напоминали о цене, которую он платил за то, чтобы оставаться собой в мире, где люди часто превращались в тени.

Каюта стала его единственной крепостью, где он мог позволить себе снять броню. Здесь не было зеркал: только иллюминатор, за которым мрак космоса, тусклая лампа и стул, который он сдвигал к стене, чтобы видеть дверь. Он не верил в случайности. Каждый звук, каждый скрип переборки он анализировал бессознательно, даже когда держал фотографию. Привычка, которую невозможно стереть.

Потом он гасил свет и ложился на койку, зная, что завтра снова будет операция. И снова тишина. Фотография лежала в ящике, как последний патрон в обойме, — на всякий случай.

Часть IX. «Ночная Тишина»

На захваченной радикальными террористами оружейной базе «Астра» велась работа над химико-биологическим оружием в виде газа под кодовым названием «Ночная Тишина». Городам угрожал не просто взрыв, а молчаливый удар — газ, способный погасить свет и дыхание целых цивилизаций. Охрана и учёные были расстреляны без пощады. Миссия по ликвидации угрозы казалась простой на бумаге и жестокой в реальности: над базой висела серость поражения, а за ней — пустота вопросов без ответов. Противников было более тридцати, окружение — тяжёлое и безнадёжное. Обычная операция, каких было не один десяток, превратилась в самый настоящий ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.